

НАЦИФИКАЦИЯ ДЕНАЦИФИКАЦИИ ОПРАВДАНО ЛИ СРАВНЕНИЕ РОССИЙСКОГО РЕЖИМА С ФАШИЗМОМ?

Иван Курилла

Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Григорий Юдин

Профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинки)

Аркадий Островский

Редактор отдела России и Восточной Европы журнала The Economist

Марлен Ларюэль

Директор Института европейских, российских и евразийских исследований
Джорджтаунского университета, содиректор проекта PONARS-Eurasia

Александр Морозов

Преподаватель философского факультета Карлова университета, Прага

Нападение на Украину поставило режим Владимира Путина перед новыми вызовами. Прежде всего — перед необходимостью оправдания агрессии и, соответственно, перед необходимостью более глубокой и экспрессивной проработки и переработки тех идеологем, клише и нарративов, которыми обосновывался его курс в последние годы. Полномасштабная военная агрессия против соседней страны из этих идеологем и нарративов никак не вытекала.

Насколько можно сейчас говорить о формировании новой «идеологии режима»? Каковы ее координаты и опорные идеологемы? Почти общим

местом сегодня стали ее сравнения с фашизмом, но насколько эти сравнения являются содержательной характеристикой, а насколько — частью «войны эмоций»? Почти общим местом стали сравнения идеологии Кремля с фашизмом, но насколько эти сравнения являются содержательной характеристикой, а насколько — частью «войны эмоций»? Что подразумевается под «фашизмом» и какие его элементы и черты обнаруживают себя в «идеологии Z»? Иван Курилла, Григорий Юдин, Марлен Ларюэль, Аркадий Островский и Александр Морозов — в дискуссии о новой идеологии путинского режима.

Историк Иван Курилла, социолог Григорий Юдин, политолог Марлен Ларюэль, журналист и автор книги «The Invention of Russia» Аркадий Островский и публицист Александр Морозов обсуждают эти вопросы в разных, иногда противоположных перспективах.

В то время как Григорий Юдин нащупывает содержательные параллели с фашизмом в трактовке взаимоотношений нации, государства и вождя, Иван Курилла видит здесь лишь косплей нарративов середины прошлого века, Аркадий Островский возвращается к обсуждению фашистско-антифашистской утопии, воплощенной в популярном кинообразе Штирлица, Александр Морозов отмечает, что в случае Путина антизападнический ресентимент не трансформируется в идеологию переустройства мира, а Марлен Ларюэль считает, что отождествление путинского режима с фашистским позволяет Западу воссоздать черно-белую картину мира, характерную для времен прошлой холодной войны, и уклониться от обсуждения внутренних проблем либеральной доктрины, которые сегодня ее ослабляют.

ДИСКУРСИВНЫЙ РЕМЕЙК

Иван Курилла

Прежде всего, мне представляется, что использование термина «фашизм» не помогает, а осложняет понимание того феномена, с которым мы столкнулись. При очевидном сходстве некоторых практик, сегодняшней российский режим принадлежит к другому поколению авторитаризма, и ученым нужно выработать собственный язык для его адекватного описания.

Главными отличиями нынешнего варианта авторитаризма являются, по моему мнению, развитое информационное общество и наличие ядерного оружия (и осознание катастрофичности его применения). Если в «классическом» фашизме информация передавалась единым потоком, который контролировался режимом, то в сегодняшнем авторитаризме «времен интернета» поддерживается многоголосица, а государством насаждается цинизм — неверие ни в одну картину мира. Если военная агрессия середины XX века опиралась на уверенность лидеров в собственном военно-экономическом превосходстве над объединенными силами противников, то теперь основной гарантией «непобедимости» является обладание ядерным оружием. Эта гарантия неожиданным образом снизила порог начала войны.

Наконец, мы видим, что война началась не под флагом новой идеологии, а с использованием языка середины прошлого века в ситуации идейной эклектики. Попытки предложить новую символику в виде буквы Z или белой нарукавной повязки не нашли массовой поддержки, в результате чего мы наблюдаем стихийное возвращение советской символики — красные флаги и памятники Ленину. Но современная российская символика не связана с «большой идеей», и за нее нельзя идти воевать против соседей.

Само использование слова «фашизм» в описании режима означает согласие играть в предложенную Путиным дискурсивную игру «провалимся в 1940-е». Российские пропагандисты воюют в Украине с «нацизмом», в ответ сам российский режим называют «фашистским», а Соединенные Штаты принимают закон о «ленд-лизе». Все чаще встречается в речи пропагандистов слово «геноцид», как и отсылки к Нюрнбергскому трибуналу. Но те феномены, к которым отсылают эти наименования, не соответствуют изначальному значению используемых слов.

Интересно проследить связь этого глобального «косплея» середины прошлого века с популярностью движения реконструкторов, которые в 2017 году [штурмовали](#) потешный «рейхстаг» и докладывали об успехе министру обороны Шойгу, или с «переименованиями» городов, придуманными волгоградскими депутатами, постановившими в 2013 году в дни памятных дат и праздников называть Волгоград Сталинградом (вслед за Волгоградом аналогичное решение приняли власти ДНР, «переименовавшие» Донецк в Сталино). В общем, неудивительно, что советский флаг снова популярен у части российских элит, а в Думе даже обсуждают его возвращение в качестве государственного флага Российской Федерации.

Надо ли (со)участвовать в этом костюмированном представлении? Мне представляется, этот переход на язык прошлого века лишь затемняет современные реалии и делает более сложной задачей характеристику современного зла. Сказанное не означает, что я знаю лучшие варианты описания или готов предложить новые термины. Я лишь предлагаю не использовать старые, годные для пропаганды, но не для понимания.

НАСТОЯЩИЙ ФАШИЗМ

Григорий Юдин

Спор об определениях фашизма безграничен и давно не поддается упорядочиванию — поэтому любая характеристика политического режима как «фашистского» выглядит попыткой риторически приравнять его к абсолютному злу. По этой причине я всегда воздерживался от использования этого термина. Однако в феврале 2022 года политический режим в России претерпел мутацию, которая делает термин «фашизм» наиболее адекватным. При этом в такой безоценочной характеристике необязательно предполагается, что теперь он стал тождественным абсолютному злу: существовали и не фашистские режимы, которые уничтожили боль-

ше людей и принесли больше зла. Так что это качественная характеристика, а не «глубина зла».

Ключевая особенность исторического фашизма состоит в совмещении (1) государства, (2) народа и (3) вождя в едином векторе (4) политического движения.

1. Государство является здесь ключевым — фашизм строится на сакрализации тотального государства, и потому никакие отдельные фашисты или даже фашистские партии не могут создать фашистский режим, пока не захватят государство. Российский бонапартистский режим совершил в феврале резкий фашистский разворот. Резко захлопнулись зоны, свободные от государства. Так, запустилась стремительная идеологизация образования, которое отныне определяется как зона пропаганды (речь не только о лекция по украинской истории в детских садах, школах и университетах, но в первую очередь о резком усилении пропагандистского элемента с нового учебного года). Социальные и гуманитарные науки также потеряли автономию и схлопнулись до пропаганды: темы исследований теперь прямо утверждаются политическими чиновниками. В прочих областях (медицина, полиция, государственная служба и т. д.) автономия также устраняется: не может быть никаких резонов, целей или логики, не соответствующих текущим задачам государства как движущейся машины. Резко возросший уровень насилия в правоохранительных органах показывает, что они поняли сигнал: бюрократическая логика уступает место логике подавления врага/предателя любыми средствами.
2. В фашистском уравнении народ всегда равен государству и вождю. Тот, кто противостоит государству и вождю, исключается из народа. До известной степени эта задача была решена уже до февраля (принцип «нет Путина — нет России» работал как матрица формирования регулярной политики, а противники Путина не имели права участвовать в государственном управлении ни в какой форме). Однако в феврале была сделана мощная попытка наполнить фигуру «народа» содержанием. Это было сделано с помощью термина «денацификация», который был резко введен в оборот и определил самоописание российского режима в этой войне. «Денацификация» означает акцент на национальной чистоте, и в этом смысле относится к нацистскому, а не фашистскому воображаемому. Идея декомпозиции украинцев на чистый (русский) и грязный (украинский, нацистский) элементы привела к чисткам, тактике геноцида в Украине (истребление интеллигенции, фильтрационные лагеря, исследование украинских тел). Она же была обращена и внутрь: требование очищения народа через «выплывывание» нечистого преследует цель определения народа. Фашистская эстетика внутри России (складывание полусластики из человеческих тел, в особенности детских тел и тел, стоящих на коленях, в униженном положении) вносит совершенно новый для современной России опыт принадлежности к народу через телесный символизм. Следует также внимательно следить за информацией об

угрозах заражения («биологические») со стороны Украины, поскольку она усиливает восприятие чужого как инфицирующего, нарушающего чистоту народного тела.

3. Отсутствие культа личности в России — важная особенность российского фашизма. Однако она не должна заслонять главного — тотальной символической идентификации лидера с народом и государством. Плебисцитаризм/бонапартизм также строится на «принципе фюрера», на идее репрезентации исторического выбора народа в решениях фюрера. Как и в Германии 1930-х, принцип фюрера приводит к мутации бонапартизма в тотальное государство. Впечатляющая трансформация, происшедшая с властью Владимира Путина в феврале, связана с ролью насилия в его системе правления. Легендарное заседание Совета безопасности — беспрецедентный памятник организации власти через насилие. Представление о правящей Россией «клике» нуждается в явной корректировке: фюрер просто откровенно унижает и терроризирует свое ближайшее окружение (которое наверняка поступает так же со своими подчиненными).
4. Движение — самый противоречивый момент российского фашизма. Бонапартизм базируется на пассивности, и фашизация требует активации масс. Однако вся левая критика, начиная с Адорно и заканчивая Арндт, подсказывает, что именно из пассивной массы возникает идеальный субстрат для фашизации. Циничная, замкнутая на приватную жизнь, привыкшая к власти обыденного насилия масса легко переключается в фашистский модус. Вопреки предубеждениям, это не требует от нее внезапно «поверить» в идеологию: фашизм — это висцеральный, соматический феномен. Он движим страхом: люди фашизируются не потому, что вдруг уверовали в величие арийской расы, а потому, что им чудовищно страшно и они чувствуют, что если не убьют кого-то, то могут оказаться убитыми сами. Захват государства 20% маргиналов в условиях отсутствия структур солидарного сопротивления в обществе быстро переключает еще 50% в фашистский режим, после чего оставшиеся 30% оказываются удобной жертвой.

Достаточно очевидно, что никакого низового запроса на фашизацию в России не было. Однако Илья Будрайтскис [обращает внимание](#) на то, что в условиях позднего капитализма государство может само брать на себя функцию генерации низового движения и как бы «спускать» фашизм на общество сверху.

Случится ли это в России в полной мере — пока не очевидно. В целом фашизация дает результаты (резкий рост числа доносов, резкий рост бытового насилия, инициативная поддержка агрессивной войны). Однако для немолодого Владимира Путина полицейский режим управления, построенный на гиперконтроле, всегда был более комфортен. Для него, ненавидящего народ и не доверяющего никакому спонтанному коллективному действию, довериться энергии масс — наверняка тяжелое и некомфортное решение. Возможно, окончательное переключение в фашизм потребует устранения Путина. До тех пор мы будем наблюдать российское общество в полупозиции.

Главная аналитическая выгода от характеристики российского режима как фашистского состоит в том, что это позволяет сформировать правильные ожидания. Это не «авторитарный режим» из политологических книжек, он не будет «с вероятностью X%» сохраняться, изменяться или «демократизироваться». Это фашистское движение, движимое империалистическими импульсами и настроившее государство на тотальную войну. Оно не остановится до тех пор, пока не подчинит себе всю Европу либо не потерпит абсолютное поражение.

ПЕРФОРМАНС ФАШИЗМА

Аркадий Островский

Владимир Путин явился в воображении российских избирателей, не знавших еще будущего президента в лицо, в форме и образе офицера нацистской службы безопасности СС Макса Отто фон Штирлица (он же Максим Исаев). Именно Штирлица выбрали российские граждане как одного из наиболее желательных персонажей на посту президента. 14 марта 2000 года журнал «Коммерсантъ Власть» поместил портрет актера Вячеслава Тихонова, сыгравшего эту роль, на обложку с заголовком «Штирлиц — наш президент». Образ закрепился.

Повторный опрос ВЦИОМ, проведенный двадцать лет спустя, показал, что Штирлиц поднялся в рейтинге персонажей-президентов на первую позицию. Как [пояснил](#) ВЦИОМ, «произошла своеобразная инверсия: если в 1999 году Путин выглядел предпочтительным кандидатом, поскольку был похож на Штирлица, то в 2019-м образ Штирлица остается актуальным потому, что его реализует самый популярный политик страны — Путин».

Существенно, что «Семнадцать мгновений весны», фильм об обаятельных фашистах в исполнении любимых советских актеров (чего стоил один Олег Табаков), был заказан Юрием Андроповым для привлечения молодых кадров в КГБ СССР. Фильм с аудиторией 80 миллионов зрителей, кажется, не скрывал восхищения и зависти к нацистской форме (пошив Министерства обороны СССР), которая как влитая сидела на советском разведчике.

Как писал Дмитрий Пригов, «наш замечательный Штирлиц замечательным образом являет одновременно идеального фашистского и идеально-советского человека, совершая трансгрессивные переходы из одного в другой с покоряющей и неуследимой легкостью... Он предвестник нового времени — времени мобильности и манипулятивности».

Мобильность и манипуляция образов, легкость перевоплощения советского разведчика в нацистского офицера в полной мере проявились в первые же дни войны против Украины. Война, начатая под флагами советской победы во Второй мировой войне, оформляет и описывает себя знаками и словами, отсылающими к эстетике немецкого нацизма в гораздо большей мере, чем к советским канонам.

Визуальная и акционистская стилистика российской пропаганды — брызжущего слюной Соловьева в черном кителе, Ольги Скабеевой с ее подчеркнута «арийскими» чертами и металлом в голосе, буква Z во всех ее вариантах, отрезанная голова свиньи, подброшенная под дверь Алексею Венедиктову, — вызвала бы оторопь у советских партийных начальников, но вполне встраивалась в стилистику КГБ. (Александр Николаевич Яковлев, один из главных политических деятелей постсталинской эпохи, открыто выступавший против шовинистского крыла партии и возглавивший демократические реформы конца 1980-х, считал, что именно КГБ был рассадником русского фашизма.)

В советские годы КГБ был связан идеологией марксизма-ленинизма, хотя и относился к ней с большой долей цинизма. Однако дистанцируясь и избавляясь от партийной идеологии, его наследники превратились в служителей культа государства (дававшего им, впрочем, возможность бесконтрольного обогащения). Фашизм с его культом государства был снят с полки как наиболее подходящий наряд. Штирлиц и являет собой символ этого общего фашистско-антифашистского культа.

Вальтер Беньямин писал, что логический результат фашизма — введение эстетики в политическую жизнь. И главным эстетическим опытом фашизма была, безусловно, война. Эстетизация войны — строительство храма войне, реконструкция помпезного и мрачного сталинского парада победы, резко контрастировавшего с всенародным ликованием 9 мая — несущая конструкции нынешнего путинизма.

Война, начатая 24 февраля 2022 года, была, очевидно, задумана как сиквел аннексии Крыма, который решал бы проблемы снижающейся легитимности и нарастающих поколенческих и экономических противоречий. Как Гитлер объяснял Геббельсу весной 1943 года, «война позволяет решить целую серию проблем, которые невозможно было бы решить в обычное время».

«Перформанс» фашизма начался одновременно с аннексией Крыма и первой фазой войны против Украины. Бесноватые «анти-Майданы» в Москве, шествия нанятых накачанных людей по центру Москвы с фотографиями «национального предателя» Немцова, возглавившего в тот момент антивоенное движение, были частью этого «перформанса». Полномасштабная война против Украины потребовала его радикализации. Таким образом, не война была следствием фашистского движения, а фашистский «перформанс» был оформлением войны.

«Перформанс» фашизма осуществляется в основном посредством телевидения, предполагающего пассивность (диванность) масс. Мы не наблюдаем массового экстаза и мобилизации. Путин не является харизматичным лидером: его попытки выступить на стадионах выглядят неубедительно. В отличие от немецкого фашизма, путинский режим в качестве символического материала выбирает не молодое поколение или «человека труда», а пожилых и детей — «бабушку» с флагом и ее «внука» Алешу. Идеальных зрителей и статистов телешоу.

Как [говорил](#) Немцов в своем последнем интервью: «Сам Путин не фашист. Он просто цинично использует некоторые элементы прошлого, смешивает их с другими — например, с советскими традициями — и рождается гибрид, современный гибридный фашизм... А гибриды чрезвычайно устойчивы».

ЭТО НЕ ФАШИЗМ: ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНО

Марлен Ларюэль

Ответ на вопрос, является ли российский режим после 24 февраля фашистским, разумеется, зависит от того, как мы определяем «фашизм» — используем ли минималистические или более детальные его определения. Этот ответ также будет зависеть от того, где мы локализуем наш поиск фашистского конструкта — в официальных нарративах, государственной политике, в обществе или в действиях российских военных.

Литература о фашизме чрезвычайно обширна и имеет давние традиции, но я отталкиваюсь здесь от [классического определения Роджера Гриффина](#), согласно которому базовым здесь является миф о возрождении нации, формирующий «фашистское» видение мира и общества, а потому фашизм лучше всего определить как идеологическую систему, прославляющую национальное возрождение посредством войны.

Поэтому главным элементом, который делает сегодняшнюю Россию не подходящей под определение «фашистской», является для меня полное отсутствие общественной мобилизации в поддержку проекта возрождения нации через войну. Российский режим скрывает войну и даже грозит пятнадцатью годами тюремного заключения тем, кто называет «специальную военную операцию» войной. Он никоим образом не превозносит войну публично и не развивает нарративы прославления насилия как способа возрождения нации. Он стремится избежать широкомасштабной мобилизации мужчин и призывников. Он не верит в насилие как механизм *tabula rasa*, создающий нового человека и новый мировой порядок.

Так что же тогда собой представляет сегодняшняя Россия? Это все более авторитарный, персоналистский, патримониальный и империалистический режим, но не прибегающий к мифу мобилизации/регенерации нации и предпочитающий, наоборот, чтобы его граждане оставались демобилизованными и пассивно поддерживали его.

Есть, впрочем, и другие черты нынешней России, которые не подходят под определение фашизма. Здесь отсутствует систематическое насилие против заявленного «врага» внутри самой России. В то время как российская армия демонстрирует полное пренебрежение гражданским населением на поле боя, совершает многочисленные военные преступления и потенциальные преступления против человечности, такие как убийства и изнасилования, мы не наблюдаем никакого насилия, направленного против украинцев, живущих в России. Отсутствует идеология уничтожения всего этнически украинского в России помимо идеи уничтожения

Украины как государства. При том что с начала войны часть российского политического истеблишмента демонстрирует отчетливые признаки восточнославянского империализма, это не ведет, однако, к отрицанию мультиэтничности самой России и идеологии этнического превосходства русских. Все эти особенности также говорят о том, что случай России не соответствует определению «фашизма».

Почему же так много политиков, публичных интеллектуалов и часть исследователей обращаются к мантре «русского фашизма»? Потому что это имеет политический смысл. Во-первых, это создает образ России как абсолютного Другого для Запада и демократии, как безнадежного случая, неизбежным результатом последних двух или трех десятилетий истории которого с самого начала являлось вторжение в Украину. Такое ретроспективное прочтение нынешней войны как неизбежности стирает любую историческую неопределенность, равно как и ответственность самого Запада за те или иные решения, обернувшиеся в итоге стратегическим тупиком и сползанием к войне.

Во-вторых, превращение России в абсолютного Другого помогает укреплять зеркальный образ Запада как «свободного мира», противостоящего тоталитаризму, и возвращает нас к бинарности холодной войны. Оно восстанавливает черно-белую картину идеологического противостояния, в которой «Запад» выступает как представитель «сил добра», и подразумевает, что картина этой новой решительной битвы автоматически восстанавливает легитимность либерализма, избавив его от необходимости искать ответы на те внутренние вызовы, которые его ослабляют.

И в-третьих, оно подразумевает, что война должна закончиться полным поражением и полным унижением России. То есть таким исходом, который представляется в реальности не только труднодостижимым, но и неточным в своем целеполагании, а потому опасным, и который призывает к максималистскому решению проблемы и предельно завышает ожидания, а следовательно, и формирует риски последующего глубокого разочарования.

ЭТО НЕ ФАШИЗМ: ПОЧЕМУ ЭТО ВАЖНО

Александр Морозов

На мой взгляд, это «тот же самый» политический режим, он сложился во всех своих конструктивных элементах после рокировки, после возврата Путина в Кремль в 2012 году. Это тот же самый режим, но «вступивший в войну». Разумеется, война заостряет его черты. Но я не вижу фазового перехода.

Описание этого режима через «неофашизм» или «неосталинизм» носит публицистический характер. Это вполне оправданно с точки зрения борьбы с угрозами, которые создает режим Путина. Но если смотреть политологически, то ситуация, скорее, напоминает вступление Ирака в ирано-иракскую войну. Изменился ли политический режим Хуссейна в

результате войны? Нет, он остался тем же баасистским режимом, с той же идеологией, с тем же характером принятия решений, с той же моделью работы аппарата и т. д.

Идеологический репертуар путинского режима очень беден. Есть корпус риторики и символики. Весь этот контур сложился задолго до войны. В сущности, вся риторика стоит на одной теме: «Россия защищается от гегемонии/агрессии/коварства Запада». В отличие от нацизма или сталинизма путинская модель не предполагает ни «создания нового человека», ни масштабных альтернативных культурных форм, ни культа «возвращения к античности». Идеологическая схема путинизма покоится исключительно на «обиде на Запад». Иначе говоря, путинизм использует топливо resentment, то есть смеси «обиды и величия», как и нацизм, но в отличие от исторического межвоенного фашизма в Европе для этого топлива у Кремля очень слабый движок.

Идеология Z, как мы ее видим на этом этапе, не содержит в себе «альтернативного универсализма». Нацизм и сталинизм — это системы с большими творческими возможностями, системы «большого стиля». Путинизм — это очень узкая, слабая рамка в этом смысле. Кремль пока ничего не смог прибавить к ядерному оружию и инерционному статусу члена пула стран — устроительниц мира после Второй мировой. Все это досталось ему от СССР. Ничего убедительного, никакой масштабной философии к этому не добавлено.

Безусловно, есть Дугин, есть Прилепин, есть аналог «фольксдойч» в образе «русского мира» и концепта «разделенного народа», есть инструменты глянцшальтунга, то есть способы обеспечения «партийной лояльности», и другие узнаваемые элементы, которые можно квалифицировать как протофашизм, но все эти элементы, на мой взгляд, слишком нечетко стоят в повестке Путина. Кремль не в состоянии выстроить устойчивую мировоззренческую рамку, внутри которой фашизм смог бы начать «работать сам».

Путин обменял возможности экономического продвижения по всему миру (2005–2014) — а вместе с тем и возможности успешного идеологического закрепления своей модели на глобальном рынке идей — на абсолютно безнадежную модель «самоизоляции на почве resentimentного антизападничества» (2014–2022). В 2005–2014 годах можно было предполагать, что путинизм разовьется в направлении концепции «новой Европы». Но сейчас уже ясно, что путинизм выбрал путь закрытия собственного «европейского проекта» и всех своих возможностей глобального продвижения. Я бы сказал, что это «тот же самый» политический режим, что и до войны 2022 года, просто окуклившийся и лишенный жизнеустроительной энергии и претензий на универсализм.

Здесь следует отметить, что в февральской опросной волне можно наблюдать довольно редкую в исследованиях ситуацию, когда одновременно растут доли двух противоположных позиций. В ответах на вопрос, как респонденты отнесутся к решению Владимира Путина вывести войска, даже не достигнув изначальных целей «операции», доля поддерживающих такое решение выросла с 30 до 40%, а доля не поддерживающих — с 35 до 47%. Тот факт, что растет доля желающих остановить войну, не удивителен: в апреле таких было 19%, в октябре — 30%, сегодня — уже 40%. Однако одновременный прирост сторонников противоположной позиции указывает на поляризацию общества за счет мобилизации той самой реваншистской группы, о которой речь шла выше.

Неудачи российской армии, унижение осенних отступлений, рост числа принесенных жертв, человеческих и экономических, и страх поражения, подстегиваемый грозной риторикой Киева и российской пропагандой, привели к мобилизации реваншистских провоенных настроений. Общество все более втягивается в войну, которая после проведенной мобилизации гораздо ближе «придвинулась» к обывателю (в февральском опросе 22% респондентов заявили, что имеют близких или родственников, участвующих в войне). И простое возвращение в начальную точку (до начала войны) все менее выглядит нейтральным решением, а страх поражения обретает свои сценарные формы. Так, 52% респондентов считают, что Украина вторгнется в Россию, если российские войска отступят на «февральские границы». Среди реваншистов доля думающих так значительно выше и составляет 69%, а в группе тех, кто поддержал бы решение Путина о прекращении войны, — всего 12%. При этом 53% реваншистов говорят, что ощущают «страх», в котором, как можно предположить, переплетаются страх поражения и страх возмездия.

Рост реваншистских настроений, связанных со страхом поражения, вероятно, является одной из причин того, что поддержка войны вернулась к изначальным уровням (по сравнению с 52–55% летом–осенью 2022 года), не взирая на усталость от войны, потери на фронте, тревожность и негативные последствия войны для личной жизни людей. А также частично объясняет рост доли выражающих готовность идти на фронт.

Вместе с тем в целом готовность к мобилизации остается в основном декларативной. Очередей добровольцев у военкоматов не наблюдается. Для большей части респондентов «готовность к мобилизации» является следствием лояльности существующему порядку (с его репрессивным потенциалом) и сознания невозможности на него повлиять. В целом по выборке респондентов, которые относятся к «уклонистам» (людям, бегущим от мобилизации) с пониманием, больше, чем тех, кто их осуждает: 47 и 36% соответственно. Это вполне определенно указы-

вает на «вынужденный» характер принятия мобилизации значительной частью по-прежнему демобилизованного общества. Среди тех респондентов, которые не высказали своего отношения к «специальной операции», только 18% осуждают «уклонистов». Вполне ожидаемо, среди тех, чьи близкие участвуют в войне, доля осуждающих выше (41%), но даже здесь не является большинством.

Таким образом, можно говорить о двух факторах, определивших разворот тренда на снижение поддержки войны, наблюдавшегося в июле–сентябре, и лояльность мобилизации (то есть рост числа выражающих готовность отправиться на войну). С одной стороны, это увеличение партии реваншистов, мобилизованных «страхом поражения», с другой — сознание неотвратимости принудительного характера мобилизации, заставляющего адаптироваться к ее «новой нормальности», воспринимать ее как новую норму гражданской ответственности и социальной солидарности. Мобилизация фракции реваншистов поддерживает климат мнений, способствующий утверждению этой нормы непротivления.

«НИКОГДА НЕ ЗАВЕРШИТСЯ»: ПЯТЬ ФАЗ ПОГРУЖЕНИЯ В ВОЙНУ

Доля поддерживающих войну в феврале 2022 года оказалась такой же, как в начале войны, — 59%. Но было бы ошибкой видеть в этом «устойчивость» — между двумя одинаковыми цифрами лежит год драматических изменений в общественных настроениях.

Первая фаза: шок и паника. Объявление «специальной военной операции» стало шоком для всех без исключения. Многие испытали панику, с привычными реакциями инкапсуляции, лихорадочных закупок базовых товаров, продуктов и лекарств. Это был месяц потрясения, переживаний, определения личной тактики поведения и, что самое главное, формирования первоначального отношения к войне. Активное наступление российских войск внушило уверенность в обещанной «маленькой победоносной войне». Сформировалась группа воодушевленных и группа разгневанных; между ними — растерянные, замкнутые неопределившиеся.

Вторая фаза: поляризация — гнев и воодушевление. Уже к середине апреля российские войска отступили, но это не помешало воодушевлению сторонников войны длиться еще два месяца, поскольку пропаганда находила «облагораживающие» оправдания для заминки в «победоносной» войне («стремимся избежать потерь среди мирного населения», «создаются предпосылки для проведения переговоров»), а последствия экономических санкций оказались не столь страшными. Уровень поддержки войны существенно вырос — до 66–64%. В этот момент в ходе опроса респондентам предлагалось послать (воображаемые) телеграммы украинцам. Это были послания сильной, великодушной стороны, обещавшей «младшим братьям» скорую помощь и освобождение («держитесь, мы вас спасем»). Ход «операции» должен был переломиться в пользу России. Противники «спецопера-

ции» переживали гнев и отторжение. Прошла первая волна отъездов за границу.

Третья фаза: рецессия. Эта фаза началась примерно с конца июня. Истек период «нескольких месяцев», который определял для многих ожидаемую продолжительность «спецоперации». Российскую армию преследовали неудачи на фронте. Материальные последствия санкций становились более ощутимыми. Снабжение, нарушенное паническим спросом и перерывами в импорте, восстановилось, но цены выросли драматически. Признаки адаптации к новой ситуации (ответы респондентов о материальном положении демонстрировали рост позитива) соседствовали с чувством крайней неопределенности, приводившей к замиранию потребительского спроса. Поддержка войны упала на 9 процентных пунктов, с 64 до 55%.

Четвертая фаза: мобилизация. Психологически мобилизация явилась, как уже было сказано, более фрустрирующим событием, чем даже объявленная в феврале «спецоперация». Уровень тревоги, страха, шока, по данным «Левада-центра», вырос с 43% в конце февраля до 70% в конце сентября. Началась вторая волна эмиграции — сотни тысяч человек экстренно уехали за границу, спасаясь от мобилизации. Плохо организованная мобилизация и известия о гибели первых мобилизованных продемонстрировали, что война касается не только украинцев. Семьи массово теряли призванных и уехавших кормильцев, напряжение нарастало, люди ожидали продолжения мобилизационной кампании, закрытия границ.

Однако масштабы мобилизации оказались не столь катастрофическими. Военкомы не стояли у каждых ворот; основные события мобилизации происходили на периферии. К декабрю наступила адаптация. Несмотря на ее внешние признаки, общий настрой ухудшился, это заметно по росту чувства усталости и тревоги. Но наступила новая нормальность. Впервые изменились даже условия проведения опросов: осела квота молодых мужчин, которую мы достигаем случайным образом, так как военнообязанные стали хуже отвечать на звонки с незнакомых номеров.

Пятая фаза: погружение в войну. Массовая готовность к мобилизации как обреченность и уже принятый порядок, периодический рост позитивной субъективной оценки материального положения собираются в образ новой нормальности, смоделированной и поддержанной пропагандой. Угроза репрессий и встречная рационализация неизбежного становятся ее основой. Негативные ожидания в экономической сфере не оправдались. Объясняя парадоксальный рост позитивных настроений и оптимизма в январе 2023 года, коллеги из «Левада-центра» высказывают предположение, что «негативный информационный фон формирует алармистские ожидания, которые, не реализуясь в полной мере, вызывают представление об относительной устойчивости положения и способности экономики безболезненно преодолевать кризисы».

Однако наиболее яркой характеристикой изменений, произошедших с октября 2022 года по февраль 2023-го, является даже не рост реваншистских настроений, помогающий Кремлю поддерживать «градус войны», но адаптация общественных ожиданий к «долгой войне». Еще в октябре по сравнению с июлем резко сократилась уверенность в скором окончании войны и выросла доля затруднившихся определить временные рамки войны. В феврале (по сравнению с октябрём) доля тех, кто считает, что война продлится год и более, выросла сразу с 34 до 50%. И это, вероятно, самое резкое изменение по всему спектру оценок по сравнению с предыдущим замером.

Наконец, еще одним признаком «погружения» в войну выглядят некоторые проективные представления респондентов. Так, в февральской волне им был задан вопрос, следует ли проводить президентские выборы, если спецоперация не закончится до 2024 года. 46% сказали «нет» — против 37% считающих, что надо. Однако на следующий вопрос, завершится ли война, если в России сменится президент, 36% затруднились ответить, 40% ответили «нет» и лишь 15% ожидают ее окончания в этом случае. При этом чем более длительной войны респондент ожидает сегодня, тем меньше он верит, что она завершится в результате смены лидера. Война, выглядевшая поначалу личной инициативой Путина, по мере «погружения» в нее общества все более предстает как самостоятельная данность, рамка существования.

Впрочем, это состояние «погружения в войну» вряд ли можно рассматривать как новое долгосрочное равновесие. Как было показано выше, вопреки расхожему представлению, поддержка войны является не консолидированной, но в большой степени декларативной и навязанной. За фасадом декларативного провоенного большинства скрывается большинство «непротивления». Доля тех, кто поддержал бы решение Путина о немедленном выводе войск, растет параллельно с долей тех, кто его бы не поддержал. Консолидация реваншистских настроений соседствует со значительным и сохраняющимся потенциалом демобилизованности, наиболее ярким признаком которого является толерантность к «уклонистам». Дальнейшее нарастание издержек войны и отсутствие успехов на фронте будут вновь и вновь испытывать временное равновесие и «декларативную поддержку» на прочность.

ДЕВЯТАЯ ВОЛНА ОПРОСОВ ПРОЕКТА «ХРОНИКИ». ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Исследование проводилось со 2 по 9 февраля 2023 года. Метод — телефонное интервью по случайной выборке телефонных номеров. Финальная выборка — 1600 человек во всех регионах России. Расчетная ошибка выборки: 2,45% при 95-процентном доверительном интервале. Response rate (доля успешно завершённых интервью от общего количества разговоров) — 4%.

Исследование стало девятой волной опросов общественного мнения проекта «Хроники», организованного политиком Алексеем Миняйло и независимыми социологами. Постоянным партнером проекта «Хроники» является агентство ExtremeScan. В разработке анкет, аналитике и подготовке отчета принимали участие социологи Полина Миронова, Андрей Ткаченко, Владимир Звоновский, Надя Евангелян и Елена Конева.

- Ядро группы поддержки войны составляет 22%. В эту группу мы включили тех, кто 1) выразил поддержку войне, 2) считает, что в условиях дефицита бюджета средства нужно расходовать в первую очередь на армию, 3) не поддержал бы решение Путина вывести войска с территории Украины без достижения целей войны. Ядро группы противников войны также составляет 20%. В эту группу входят те, кто придерживается противоположного мнения по упомянутым вопросам.
- Число тех, кто заявил о поддержке войны, в течение года оставалось стабильным — 59%. Стоит отметить, что сам по себе процент заявляющих о поддержке войны малоинформативен, так как включает в себя широчайший спектр людей — от тех, кто ушел на фронт добровольцем, до тех, кто декларирует поддержку из-за страха репрессий.
- Портрет согласных с войной остался прежним: это чаще люди пенсионного возраста. Сторонники войны чаще получают информацию из официальных источников (телевидение, радио, газеты) и не пользуются VPN. Эти же группы людей более бескомпромиссны в оценке войны и чаще остальных не сомневались в своей позиции по этому поводу.
- Сейчас как минимум каждый десятый россиянин (11%) открыто заявляет о неподдержке спецоперации незнакомому человеку (интервьюеру) несмотря на криминализацию этой позиции.
- Доля тех, кто затруднился ответить на вопрос о поддержке/неподдержке или не захотел отвечать, на протяжении года тоже не сильно менялась — около трети (31%) граждан. А максимального значения их доля достигла после объявления частичной мобилизации (37%). Учитывая, что те, кто затруднился/не захотел ответить, отвечают на другие вопросы похожим образом, что и противники войны, можно предположить, что именно в эти две позиции «уходят» те, кто не согласен с войной, но не рискует говорить об этом открыто.
- Большая часть россиян (72%) не подвергали свою позицию в отношении войны сомнению. Респонденты, не заявившие о поддержке войны на момент опроса, чаще сообщали, что им приходилось сомневаться в своем отношении к войне. Это может говорить о том, что часть людей, ранее поддерживавших войну, теперь перестали ее

поддерживать. Важно понимать, что противники войны находятся под общественным давлением и более рефлексивны. Более радикальны и бескомпромиссны в своей оценке сторонники войны.

- Вопрос об одобрении уголовного наказания за открытое осуждение спецоперации раскалывает общественное мнение пополам: 44% не одобряют его, немногим меньше — 41% — одобряют.
- Число россиян, которые сказали, что с марта 2022 года их семейный доход снизился, с мая медленно, но стабильно растет (в начале марта 2022 года таких было 39%, а в феврале этого года 43%). Похожая динамика наблюдается и в отношении россиян, потерявших работу: в начале прошлого года их доля в выборке составляла 4%, в феврале этого — 9%. Резкое увеличение потерявших работу наблюдалось в июле 2022 года.
- Половина россиян (50%) сказали, что с марта испытывали приступы тревоги, а каждый пятый (20%) перестал общаться с близкими друзьями или родственниками.
- 15% респондентов лишились важных для них интернет-сервисов. Среди молодежи и студентов лишился доступа минимум каждый третий.
- С апреля 2022 по февраль 2023 года число тех, кто испытывает чувство гордости по отношению к войне, снизилось на 18 процентных пунктов, до 52%, а тех, кто испытывает «воодушевление», — на 9 п. п., до 31%.
- 37% сказали, что испытывают чувство усталости по отношению к войне, а каждый четвертый — чувство разочарования. Чаще негативные чувства испытывают те, чей семейный доход стал меньше, и те, кто потерял работу.
- Доля россиян, которые полагают, что война продлится больше года, с конца марта 2022-го увеличилась в три раза, до 51%. Россияне больше не верят в скорое окончание войны и адаптируются к новой реальности, смиряются с ней.
- Средняя оценка достижимости целей войны по пятибалльной шкале — 3,16. Те, кто заявляет о поддержке войны, чаще других полагают, что цели выполнены на 3 и 4 балла, но не чаще других считают, что на 5 (5 баллов — «достигнуты все цели»). Число россиян, ответивших, что достигнуты все цели, — 13%. А минимум каждый 10-й россиянин считает, что спустя год войны не удалось достичь ее целей даже частично.
- Говоря о причинах недостижения целей войны, 12% сказали о неподготовленности российской армии к войне, 10% — о том, что цели не достигнуты из-за гуманности российских сил, желания не навредить мирным жителям, еще 10% — о недостатке у России

союзников.

- С мая доля тех, кто не мог артикулировать цели войны, уменьшилась с 35 до 20%. То есть к концу года войны каждый пятый не знает, зачем она ведется.
- Те, кто смотрит телевизор каждый день, чаще могут артикулировать цели войны. Из ответивших 17% считают целью борьбу с «нацистами», 12% — «возвращение русских земель» (под которыми, впрочем, подразумевается вся Европа и даже Вашингтон), еще 15% говорят о победе России, не конкретизируя, в чем она должна состоять.
- Заявляющие о поддержке войны чаще полагают, что украинцы и россияне являются единым народом; те, кто войну не поддерживает, чаще полагают, что не являются. Распределение по общей выборке: 54% заявляющих о единстве против 36% не согласных с этим.
- 40% поддержали бы решение Путина вывести войска с территории Украины и начать мирные переговоры без достижения целей войны. По сравнению с сентябрьским исследованием увеличилось и число тех, кто поддержал бы перемирие (+9 п. п.), и тех, кто, наоборот, не поддержал бы такого решения президента (+13 п. п., до 47%). Если респондент полагает, что «противник» (ВСУ) будет наступать на российские территории после вывода войск, то перемирие он поддержит в меньшей степени.
- Больше половины респондентов (52%) полагают, что ВСУ продолжат наступление, если Россия выведет войска к границам до 24 февраля 2022 года. Кроме этого, часть жителей России осознают потерю, которую несет Украина, и допускают мотивы возмездия.
- Две трети респондентов (66%) считают, что победа России принесет благо жителям Украины, 16% думают обратным образом.
- 46% полагают, что если к 2024 году война не закончится, президентские выборы проводить не следует. Логично, что почти столько же — 48% — полагают, что сменяемость власти в стране принесет больше вреда.
- Респондентов спросили, что бы они сказали Путину, представься им такая возможность. Несмотря на высокий рейтинг одобрения деятельности Путина, поддержку ему выразили бы только 25% опрошенных. 13% высказали бы экономические и социальные требования. 9% сказали бы, что война затянулась и они не понимают ее цели. Критические «высказывания» планирует 21% респондентов.
- 1% опрошенных заявили, что участвовали или участвуют в войне, а 22% — что участвуют их близкие.

- К россиянам, которые стараются избежать участия в войне, респонденты по большей части относятся с пониманием (47%), осуждают их 36%.
- В то же время все меньше мужчин отвечают, что не готовы принять участие в войне. Сейчас таких 21%. Самое большое сокращение числа не готовых воевать наблюдается после объявления мобилизации. Больше половины мужского населения (18–60 лет) — 55% — говорят, что готовы принять участие в боевых действиях. Пойти на фронт добровольцем готовы 15%.
- В вопросе о приемлемой выплате семьям погибших в ходе боевых действий 38% назвали сумму от 1 до 10 млн рублей. 17% ответили, что «человеческая жизнь бесценна».
- Жители регионов с более высокой безработицей реже одобряют уголовное преследование противников войны и участие заключенных в войне, а также реже осуждают пытающихся избежать участия в войне.
- Негативное влияние экономических проблем на степень поддержки войны заметнее у тех, кто получает информацию о военных действиях из ТВ. Для таких респондентов каждая экономическая проблема снижает поддержку «специальной военной операции» на 11 п. п. (в 8-й волне исследования этот эффект составлял 8 п. п.).

ДИНАМИКА ПОДДЕРЖКИ «СПЕЦОПЕРАЦИИ» ЗА ГОД ВОЙНЫ. ОТЧЕТ О ДЕВЯТОЙ ВОЛНЕ ОПРОСОВ ПРОЕКТА «ХРОНИКИ»

К концу года войны доля россиян, заявивших о поддержке войны (далее в отчете мы используем слово «война», чтобы называть вещи своими именами, однако следует оговориться, что в телефонном опросе для получения более искренних ответов со стороны респондента и безопасности интервьюеров мы использовали формулировки «специальная военная операция», «боевые действия на Украине» и т.д.), составила 59%, что совпадает со средним значением за весь год и идентично уровню поддержки в первую неделю войны. Однако в течение года наблюдалась значительная динамика поддержки. Самый высокий ее уровень наблюдался в апреле — 66%. Можно предположить, что к этому моменту снизились неопределенность и тревога от начавшейся спецоперации, а предполагаемые сроки ее завершения не казались превосходящими первоначальный план. Кроме того, в апреле российские войска так или иначе демонстрировали «успехи»: был взят Изюм, началась осада «Азовстали». Самый низкий уровень поддержки наблюдался через неделю после мобилизации, в конце сентября, — 51%. Рост поддержки в феврале 2023 года по сравнению с опросом в конце сентября также обусловлен тем, что в нашу выборку попало на 12 п. п. меньше городских жителей, в частности на 3 п. п. меньше молодых мужчин (18–34 года) и на 6 п. п. меньше женщин, то есть всех тех, кто чаще других не поддерживает войну Ана-

логичная проблема была с октябрьской, восьмой волной. Стоит отметить, что перевзвешивание лишь частично решает проблему, так как есть вероятность, что даже среди молодых людей на звонки чаще отвечают те, кто не избегает мобилизации и скорее поддерживает войну.

Сейчас тех, кто открыто выражает несогласие со «спецоперацией», 11%. Самое низкое число не поддерживавших войну наблюдалось в начале марта 2022 года — 7%. Напомним, что именно в марте были приняты законы о «фейках» и «дискредитации российской армии». После этого доля тех, кто открыто заявляет о своем несогласии с войной, остается такой же стабильной, как и доля ее поддерживающих. Но важно отметить, что на протяжении всего года как минимум каждый десятый россиянин открыто заявлял о неподдержке войны человеку, позвонившему с незнакомого номера, принимая на себя риски возможного административного и уголовного преследования.

Респонденты также могли отказаться отвечать на этот вопрос (вариант ответа «Не хочу отвечать на этот вопрос» зачитывался в формулировке вопроса «Хроник» с конца марта 2022 года). Эта формулировка давала респонденту возможность не заниматься самодискредитацией. Если сложить число тех, кто отказался ответить на этот вопрос, и тех, кто затруднился ответить на него, можно наблюдать довольно заметные динамические изменения.

В среднем за весь год около трети граждан (31%) затруднялись или не хотели отвечать на вопрос, поддерживают они войну или нет. Самая высокая доля ответивших таким образом (37%) приходится на 29–30 сентября, то есть на неделю после объявления частичной мобилизации. Это можно объяснить возросшим уровнем тревожности (после мобилизации доля тех, кто чувствует себя тревожно, резко выросла), в результате чего стало больше респондентов, не готовых открыто обсуждать чувствительные темы. Логично и то, что все меньше молодых людей готовы были в принципе разговаривать с незнакомым человеком по телефону, а выразить свою позицию по поводу поддержки или неподдержки спецоперации — тем более. Есть как страх чрезмерного энтузиазма (вдруг предложат пойти на фронт), так и страх выразить недостаточную поддержку.

Мы не можем однозначно сказать, какой именно процент несогласных с войной «уходит» в категории «затруднившихся» или не желающих отвечать. Поддержка войны зависит от многих факторов, и люди зачастую не могут артикулировать свое отношение к ней. Но можно утверждать, что доля тех, кто не поддерживает войну в принципе, существенно выше доли тех, кто готов артикулировать свою позицию. Показатели других источников измерения это подтверждают.

Мы задали дополнительный вопрос о том, приходилось ли респонденту хоть раз сомневаться в своем отношении к войне, сразу после вопроса про отношение к ней («Скажите, за прошедший год вам приходилось или не приходилось хотя бы иногда сомневаться в своем отношении к спецоперации?»). 72% сказали, что не сомневались, 21% —

что им приходилось это делать. Доля тех, кто не подвергал свою позицию сомнению, выше среди заявивших о поддержке войны (87%, то есть на 15 п. п. выше среднего по выборке). Бескомпромиссность такого отношения может объясняться безальтернативностью и категоричностью в оценке спецоперации официальными российскими СМИ. Среди тех, кто смотрит телевизор каждый день, не сомневающихся в своей позиции на 7 п. п. больше, чем в среднем.

Чаще сомневались в своей позиции те, кто в настоящее время спецоперацию не поддерживает. Среди них доля тех, кто хотя бы иногда ставил свою позицию под сомнение, на 8 п. п. выше среднего по выборке и составляет 28%. Стоит отметить, что то отношение к войне, которое заявляется сейчас респондентом, не обязательно совпадает с тем, которое было ранее. Таким образом, «сомнение среди не поддерживающих войну» нельзя интерпретировать как «сомнение в том, стоит ли не поддерживать войну». Скорее наоборот, через сомнения в отношении к войне часть респондентов могла прийти от поддержки кампании к неподдержке. Противники войны гораздо меньше смотрят телевизор. Можно предположить, что они критичнее относятся к любой информации и больше размышляют о войне. Следовательно, сомнение в своих позициях в принципе присуще этой группе. Кроме того, напомним, что сейчас такая точка зрения по факту криминализована, следовательно, мнения о поддержке кажутся в окружении респондентов доминирующими. Неудивительно, что в столь некомфортной для себя позиции противникам спецоперации приходится хотя бы иногда сомневаться в правоте своих суждений.

Ситуацию для противников войны не облегчает и тот факт, что 41% россиян одобряют уголовное наказание для тех, кто осуждает спецоперацию и выражает свою позицию открыто. Немногим больше — 44% — не одобряют уголовное наказание для таких людей.

КАК ИЗМЕНИЛАСЬ ЖИЗНЬ РОССИЯН ЗА ГОД? (ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ)

Начиная с марта 2022 года около 40% респондентов говорят о снижении уровня своих доходов. В феврале 2023 года это констатировали 43%, что на 4 п. п. выше средних показателей за год. Самый заметный скачок доли тех, кто потерял работу или бизнес, произошел в июле — она выросла с 3% до 12%. А доля тех, кто признал, что с ними это произошло в феврале 2023 года — 9%, что на 5 п. п. выше среднего по выборке. Учитывая плавную, но стабильную динамику этого показателя, можно предположить, что число таких людей будет расти.

Мы можем наблюдать значительные колебания доли респондентов, которые сказали, что с марта прошлого года испытывали приступы тревоги. В феврале 2023 года таких было 62%, на 12 п. п. больше, чем в октябре 2022-го. Не следует делать поспешных выводов об изменении в психологическом самочувствии россиян: в вопросе этой волны из формулировки было убрано слово «депрессия», чересчур стигматизи-

зированное в обществе. Параллельно растет доля тех, кто испытывает страх и тревогу по поводу войны (с апреля доля таких людей увеличилась на 22 п. п., до 61%), уменьшилась доля тех, кто испытывает уверенность и спокойствие (на 15 п. п., до 48%).

В июле мы зафиксировали 26% респондентов, которые перестали общаться с близкими друзьями и родственниками. Причины могли быть разные: взгляды на политику и войну, потери связи с теми, кто уехал из страны или ушел на фронт. В начале 2023-го, спустя полгода, эта цифра снизилась до 20%. Видимо, часть отношений была восстановлена. Тем не менее, каждый пятый респондент потерял контакт с кем-то из близких из-за текущей ситуации. Этот показатель выше среди противников войны.

С октября на 5 п. п. выросло число респондентов, сказавших, что из продажи исчезли важные для них лекарства, — с 16% до 20%. Причем в группе пенсионеров, которые традиционно чаще обращаются за медицинской помощью и в большей степени зависят от медицинских препаратов, распределение ответов не отличается от средних значений по выборке (16%). И наоборот, чаще замечают нехватку лекарств респонденты, которые, казалось бы, должны в меньшей степени потреблять медикаменты: это люди 30–39 лет и учащиеся (помимо этих двух групп замечают нехватку лекарств те, кто пользуется VPN и прямо заявляет, что не поддерживает войну). Скорее всего, такой неожиданный результат объясняется изначальной установкой: если респондент поддерживает войну, он будет более склонен не замечать сопутствующих бытовых неудобств, для тех, кто не согласен с проводимой политикой, связанные с ней неудобства становятся более заметными.

Очевидно, что нельзя отрицать и обратную причинно-следственную связь: если на человека существенно влияют последствия войны, он будет поддерживать ее меньше. Это объясняет, почему к группе противников войны традиционно (то есть на протяжении всех исследований «Хроник») присоединяются люди с плохим материальным положением и те, у кого материальное положение ухудшилось.

15% опрошенных сказали, что с марта 2022 года лишились доступа к важным интернет-сервисам. Среди людей от 18 до 29 лет и учащихся доступа к сервисам лишился минимум каждый третий (36% и 34% соответственно).

ЧУВСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К СПЕЦОПЕРАЦИИ

Мы задали вопрос о том, какие чувства россияне испытывают относительно военных действий в Украине. Артикуляция собственных эмоций без подсказки — всегда сложная задача для респондента в условиях телефонного опроса, поэтому мы зачитывали перечень с названиями чувств/эмоций, который в достаточной степени охватывает спектр человеческих переживаний, и предлагали респонденту

сказать, испытывает он эти переживания или нет.

Доля испытывающих гордость уменьшилась на 17 п. п. с апреля (тогда таких людей было 69%, сейчас — 52%). Гордость — довольно сложная эмоция, частично составляющая самооценку, и не нее не могло не повлиять затягивание спецоперации и неудачи на фронте. То же произошло с чувством «воодушевления»: число испытывающих его уменьшилось на 9 п.п., до 31%. 88% среди тех, кто поддерживает войну, заявили, что ощущают чувство справедливости происходящего; война для них реализует праведные цели. 78% противников войны чувствуют гнев и возмущение. 37% респондентов устали от войны, а каждый четвертый испытывает чувство разочарования.

О том, что испытывают к войне безразличие, сказали лишь 6%; для 93% чувство безразличия не оказалось релевантным. Чаще чувство безразличия испытывают противники войны (13%, то есть минимум в два раза больше, чем в среднем по выборке). Они же чаще остальных групп отвечают, что не следят за ходом войны и не могут влиять на события в своей жизни. Эта отстраненность от военной повестки понятна: перспективы окончания войны не просматриваются, как и возможности каким-то образом повлиять на происходящее в стране.

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ОЦЕНКА ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

С октября на 8 п. п. (до 26%) увеличилась доля тех, кто полагает, что война продлится еще как минимум год; на столько же выросла доля полагающих, что она продлится больше года (до 24%). В начале войны доля тех, кто полагал, что спецоперация продлится год и более, составляла 15%, сейчас она почти в 3,5 раза больше — 50%. Зато число тех, кто полагает, что война продлится не больше 11 месяцев, за год упало с 56% до 21%. Россияне перестали верить в блицкриг и готовятся к долгой войне.

Мы попросили респондентов оценить, насколько, по их мнению, достигнуты цели военной операции, по пятибалльной шкале, где 1 — «не удалось достичь никаких целей», а 5 — «удалось достичь всех целей». Две крайние позиции — «не удалось достичь никаких целей» и «удалось достичь всех целей» — выбрали 11% и 13% соответственно.

Наибольшее число голосов получила оценка «3» — ее выбрали 36% респондентов.

Вопрос, почему цели спецоперации не достигнуты, задавался тем, кто оценил достижение целей спецоперации в диапазоне 1–4 (77%). Из них 12% указывали на неподготовленность армии и командования («вооруженные силы не были готовы совершенно, в плане наших солдат: голодные, холодные», «министр обороны не имеет к военному делу никакого отношения», «пока не поставят на военные посты здоровых генералов, лучше не будет», «не была Россия готова к такой спецоперации»).

10% процентов опрошенных говорят о том, что цели кампании не достигнуты из-за гуманизма россиян. При этом в расшифровках на-

блюдается явное противоречие. С одной стороны соотечественники видят себя добрыми и гуманными людьми («мы очень мягкие, с большой совестью», «по причинам нашей доброты», «потому что мы очень гуманная нация»), с другой — в этой же группе респонденты делают вывод о том, что необходимо убивать мирных жителей и повреждать инфраструктуру городов («пустить им ракету и сразу разбить в пух и прах, особенно Зеленского», «не воюем как надо, надо все разбомбить к чертовой матери», «[причина недостижения целей] — нанесение ударов по центрам принятия решений / железнодорожным станциям / электростанциям», «Украину надо уничтожить, бендеровцы хуже фашистов»).

Еще 10% говорят о недостатке союзников у России («трудно воевать со всем миром», «слишком много противников у России», «потому что мы одни», «помогают Украине многие», «нет союзников», «мы в одиночестве, никто не помогает»). 9% уверены, что до достижения всех целей должно пройти еще какое-то время («большая территория, быстро не делается», «капитуляция Украины не подписана», «не все территории забрали на Украине, ненависть еще есть. Еще много работы предстоит»).

С мая 2022 года число респондентов, которые не могут артикулировать цель украинской кампании, сократилось на 15 п. п., с 35% до 20%. И все-таки спустя год войны каждый пятый россиянин не понимает, зачем Россия воюет с Украиной. Среди противников войны доля тех, кто не понимает ее целей, существенно выше (35%). Такие респонденты не могут с такой же легкостью, как сторонники, принять официально декларируемые цели и поводы, продвигаемыми российскими СМИ, в результате, они чаще уходят в позицию «не знаю».

С большей регулярностью называют цели те, кто смотрит телевизор каждый день, — 86% (при среднем по выборке — 80%). Из расшифровки открытых вопросов мы видим, что такие люди воспроизводят штампы, продвигаемые государственными СМИ. 17% (из 80% ответивших на вопрос) говорят о денацификации, победе над нацизмом. Расшифровка ответов показывает эмоциональную заряженность ответов: «убрать бандерлогов», «добить и уничтожить», «как они были бандерами, так и есть». Прочие «официальные» цели — обеспечение безопасности России и разоружение Украины, защита русскоязычного населения — называются гораздо реже.

Следующим наиболее частым ответом является победа России в войне. То есть 15% из ответивших на открытый вопрос считают войну целью самой по себе: цель войны — победить в войне, без какой-либо конкретизации («победим, и все будет хорошо», «Победа за нами!», «мы добьемся своего»). Доля таких ответов выросла с мая на 10 п. п.

Еще 12% считают, что цель войны — вернуть русские земли. Из ответов понятно, что экспансия «русскими землями» не ограничивается («не отдать Украину американцам, а себе оставить», «дойти до Вашингтона», «победить фашизм, захватить территорию до Польши

и возможно дальше»). «Защита населения Донбасса» по числу упоминаний занимает 4-е место (8%), а «возвращение мира» — 5-е (7%). Несмотря на некоторое различие в кодировке открытых ответов, сравнивая разные волны опросов, можно выделить определенные тенденции. Если в мае прошлого года респонденты скорее воспроизводили формулировки официальной пропаганды, то теперь в ответы все чаще «вплетаются» сюжеты, связанные с окончанием войны («победа, и чтобы все наладилось»), и пожелания мира («скорее закончилось, смирились, прекратить войну», «чтобы наступил мир — люди появляются не для того, чтобы воевать, а чтобы жить и радоваться»). Данные открытых вопросов сложны для репрезентативного анализа, поэтому можно делать обобщенные выводы — в целях, которые респонденты формулируют сами, в ответ на открытый вопрос, доминирует желание завершения войны.

Мы спросили респондентов, о том, являются ли сейчас россияне и украинцы одним народом. Больше половины россиян — 54% — считают, что являются, больше трети — 36% — не согласны с этим утверждением. Первый вариант чаще выбирают люди, поддерживающие войну (66% среди поддерживающих, 41% среди противников). Эти же люди чаще выражают уверенность, что победа России принесет благо украинцам (76%). Так можно сделать вывод, что такие респонденты трактуют единство в первую очередь как отсутствие суверенитета, а Россию видят в роли «заботливого» старшего брата. В июне мы предлагали респондентам отправить телеграммы простым украинцам. Наиболее популярным посланием было: «Держитесь! Мы вас спасем». В этой массовой убежденности, что Россия воюет не с украинцами, а с нацистами и НАТО, — один из основных корней поддержки войны.

Противники войны более неоднозначно относятся к «единству» народов. Три четверти уважают суверенитет украинцев и понимают нелепость ожидания блага для украинцев от победы России. Четверть противников войны видят в украинцах братьев, вторжение на территорию которых недопустимо.

ОЦЕНКА ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ ВОЙНЫ ПО ГРУППАМ

Мужчин в меньшей степени удается убедить в эффективности военных действий, чем женщин (3,08 и 3,22 соответственно — по пятибалльной шкале, см. выше). Возможно более высокая осведомленность о военной службе и возможностях различных видов вооружений и географии театра военных действий не позволяют им верить государственной пропаганде. Жители российских столиц скептически оценивают успехи на фронте, чем жители сел (2,86 и 3,35 соответственно). В целом чем меньше населенный пункт, тем выше уверенность в успехах. Скептически смотрят на военную кампанию россияне с высшим образованием (2,89).

Работающие россияне ставят войне «тройку», в то время, как учащи-

еся и пенсионеры — 3,28 и 3,35 баллов соответственно. Невысокого мнения о результатах войны жители экономически активных возрастов: 3,02–3,04 баллов, в то время как молодежь и старшие поколения считают, что успехов на фронте больше. Иначе говоря, высокая оценка эффективности войны доминирует на социальной периферии российского общества, в то время как социальный центр (столицы, люди с высшим образованием, люди в наиболее экономически активном возрасте) уверен в незначительности достигнутых результатов. Очевидно, что образ текущей войны в массовом сознании в значительной степени формируют каналы коммуникации. Те, кто ежедневно смотрит телевидение, считает, что операция далеко продвинулась в достижении своих целей (3,34), а те, кто не смотрит его вовсе, не согласны с этим (2,59). Противоположное влияние у интернета: использующие его постоянно полагают, что операция буксует (3,08), а те, кто лишен возможностей доступа к широкому спектру мнений и материалов, уверен в обратном (3,50). Еще ниже оценка успехов на фронте среди тех, кто использует VPN (2,72). Как видим, чем более однородная информация доступна зрителю, тем более оптимистично он смотрит на украинскую кампанию, чем шире и разнообразнее доступная ему информация, тем он пессимистичнее.

Разумеется, среди поддерживающих войну выше и оценка ее хода (3,4; среди ее противников — 1,9). Полагающие, что война несет благое жителям Украины, оптимистичнее тех, кто уверен в отсутствии такого влияния (3,5 и 2,3 соответственно). Чем ближе видится окончание боевых действий, тем ближе кажется достижение их целей: среди тех, кто надеется, что война закончится в ближайшие три месяца, оценка достижения целей составляет 3,8, среди тех, кто считает, что она не закончится и через год, — 2,9. Напротив, противники войны — те, кто не видит пользы от нее жителям Украины и думает, что она затянется на долгие годы, — считают, что кампания не достигла значимых результатов.

Желание принять участие в успешной операции очевидно выше, чем желание участвовать в той, где успеха нет. Потенциальные добровольцы считают, что российская армия достигла своих целей на 3,40 баллов, а те, кто готов участвовать в «операции» только по приказу военного комиссара, считают что ее успех составляет 3,21. Среди тех, кто не готов в ней участвовать, этот показатель существенно ниже — 2,30.

Россияне, столкнувшиеся за последний год с разными видами проблем (потеря работы, ухудшение материального положения, разрыв с родными и близкими, потеря доступа к важным интернет-ресурсам и лекарствам и т.д.), также скептически смотрят на достигнутые на фронте результаты. Можно предположить, что в массовом сознании успехи на фронте связаны с наличием проблем в тыловой повседневности: если есть проблемы в тылу, то есть они и на фронте, есть успехи на фронте — меньше проблем в тылу.

Россияне, полагающие, что сменяемость власти в нашей стране принесет больше вреда, выше оценивают достигнутые результаты операции, чем

те, кто уверен в пользе такого обновления (3,48 против 2,30). Как видим, война и ее возможный результат довольно жестко и однозначно связаны в массовом сознании с образом Владимира Путина и его бесконечного правления.

ГОТОВНОСТЬ К ПЕРЕМИРИЮ

Мы спросили респондентов, как они отнеслись бы к решению президента вывести войска с территории Украины и начать мирные переговоры. 40% сказали, что поддержали бы такое решение, но еще больше (47%) — что нет. Если сравнить эти результаты с данными опроса, проведенного сразу после мобилизации, то видно, что доля затруднившихся ответить уменьшается, в то же время растет как доля тех, кто поддержит решение Путина (на 9 п. п.), так и тех, кто такое решение не поддержит (на 13 п. п.). В этом вопросе отчетливо видна усилившаяся поляризация: усталости и скепсису противостоит растущая группа тех, кто хочет идти до конца.

Хотя количество россиян, выступающих за перемирие без достижения всех целей, нельзя назвать незначительным (40%), тем не менее не нужно забывать, что однозначно интерпретировать ответы на этот вопрос невозможно. Одно дело, если речь идет о выводе войск на границы, какими они были на 24 февраля 2022 года, тогда, возможно, ответивших таким образом и следовало бы записать в условных противников войны. Но если речь идет о прекращении огня и заключении перемирия с сохранением «завоєованных» территорий, то эта позиция также может считаться «захватнической». Частично это подтверждается и тем, что чаще согласны на перемирие те, кто считает, что цели войны достигнуты на 4 и 5 баллов. Напомним, что по итогу референдумов Путин и сам призывал украинскую сторону сесть за стол переговоров — позиция таких респондентов здесь не отличается от мнения главнокомандующего.

Логично, что готовность к перемирию связана и с представлением о предполагаемых намерениях «противника». Мы спросили респондентов, будут или не будут, по их мнению, вооруженные силы Украины продолжать боевые действия на территории России, если российские войска вернутся к границам на 24 февраля 2022 года. В целом по выборке большинство — 52% — полагают, что ВСУ продолжат наступление, вдвое меньше респондентов такую возможность не допускают. Те, кто считает, что наступление продолжится, реже проявляет готовность к перемирию и наоборот.

СМЕНЯЕМОСТЬ ВЛАСТИ И ВОЙНА

Отвечая на вопрос, следует или не следует проводить выборы президента в 2024 году, если спецоперация на тот момент не закончится, почти половина респондентов (46%) говорит, что проводить выборы не следует. Этот показатель отчасти является уровнем безальтернативной поддержки Путина. Одновременно свой вклад здесь дает прагматическое

соображение, что выборы — мероприятие с предрешенным результатом — непозволительная роскошь в условиях кризиса. Причем проблема усугубляется не только тем, что ресурсы надо тратить на достижение победы, но и тем, что все меньше денег остается на социальные расходы. Но 37% опрошенных полагают, что выборы все-таки проводить следует. И неудивительно, что этот показатель выше среди тех, кто не поддерживает войну и, очевидно, Путина (61%).

Никто, включая сторонников войны, не верит, что смена президента поможет остановить войну (всего 15% респондентов думают подобным образом), 40% считают, что если Путин уйдет в отставку, война все равно продолжится. Тем не менее, вопрос выглядит сложным, и относительное большинство респондентов (46%) не смогли на него ответить.

46% опрошенных полагают, что сменяемость власти в принципе принесет стране больше вреда. Этот параметр отчасти коррелирует с вопросом о целесообразности выборов в 2024 году, но еще больше он является симптомом общего консерватизма, лояльности Путину и войне, готовности «идти до конца». 25% затруднились с ответом на этот вопрос, но почти каждый пятый (19%) полагает, что сменяемость власти принесет стране больше пользы, чем несменяемость.

Респондентов также спросили о том, чтобы они сказали Путину или спросили у него, если бы им представилась такая возможность. Из 63% ответивших 11% пожелали бы Путину победы и посоветовали бы действовать более жестко; ровно столько же ответивших волнуют вопросы социальной политики и экономики («давайте закончим войну и начнем развивать нашу родину, дороги, культуру», «почему в Европе люди живут спокойнее, чем в России», «почему на военный бюджет вкладываются такие деньги, люди живут в трущобах», «чтобы он заботился не только на территории Украины, но и на территории своей страны заботился о гражданах, и сколько можно жить в нищете»). 6% волнует вопрос окончания войны, и они задаются вопросом: а была ли возможность ее не начинать? («попрошу прекращение бойни», «попросил чтоб вернул моего сына», «был ли другой возможный путь избежать этот конфликт?», «неужели нельзя было не делать этого, не начинать спецоперацию?», «сказал бы: что ты наделал?», «как долго еще будут происходить военные действия и сколько еще человек погибнет за это, ведь в итоге все равно будут переговоры?», «до какого времени он планирует идти до конца, если они не будут сдаваться?»).

Озабоченность внутренней политикой отражается и в распределении ответов на вопрос о том, на что в условиях дефицита следует тратить бюджетные средства. Так, большинство респондентов — 47% — несмотря на военное время все же полагает, что средства должны быть направлены на социальную сферу, в том числе медицину и образование. На 10 п. п. меньше — 37% — полагают, что в первую очередь следует финансировать вооруженные силы.

ГОТОВНОСТЬ УЧАСТВОВАТЬ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ, ОТНОШЕНИЕ К УКЛОНИСТАМ И ЦЕНА ЖИЗНИ

Вопрос о готовности принять участие в военных действиях в Украине задавался мужчинам мобилизационного возраста — от 18 до 60 лет. Спустя год войны каждый пятый мужчина мобилизационного возраста (21%) не готов принять участие в боевых действиях в Украине. Это самый низкий показатель за все время наблюдений. В мае прошлого года не были готовы принимать участие в войне 51% россиян. Чем дольше идет война, тем меньше мужчин отвечают, что не готовы воевать.

Самый мощный «скачок» наблюдался в октябре, после объявления частичной мобилизации (доля не готовых воевать снизилась с 32% до 21%). Снижение объясняется и тем, что после мобилизации ответ о неготовности воевать стал социально неодобряемым. Напомним, что с первого дня войны в российских СМИ развернулась кампания по дискредитации россиян, которые не хотят воевать. К ним в том числе относятся уехавшие по политическим причинам соотечественники. Мобилизация — беспрецедентное событие, затронувшее значимую часть граждан. Можно предположить, что признаваться в своей неготовности воевать респондентам как минимум неловко.

Число тех, кто готов воевать, с мая выросло на 16 п. п, теперь об этом заявляет больше половины мужского населения — 55%. Но только 15% из них готовы делать это добровольно, большая часть — 40% — только по приказу. Надо отметить и то, что число декларируемых добровольцев с октября снизилось на 6 п. п., до 15%.

Впрочем, как и в прошлых исследованиях «Хроник», воевать добровольно чаще готовы те, кто подлежит мобилизации в последнюю очередь: мужчины за 50 (среди них каждый пятый считает себя потенциальным добровольцем), пенсионеры и состоятельные люди, которые могут купить себе дом/квартиру в случае необходимости (не вызывает сомнений, что люди с таким материальным достатком смогут при необходимости «откупиться» и от мобилизации). Молодые люди (18–39 лет) готовы воевать гораздо реже.

Большинство респондентов (58%) положительно относятся к тому, что осужденные за тяжкие преступления принимают участие в войне в обмен на помилование, 28% — отрицательно. Минимум каждый пятый россиянин (22%) сказал, что его близкие или родственники участвуют в войне. Чаще так говорят молодые люди (напомним, что они же чаще не поддерживают войну), учащиеся и люди из сельской местности. Москвичи, у которых близкие участвуют в войне, встречаются реже.

Мы задали вопрос о том, как относятся россияне к соотечественникам, которые уклоняются от участия в войне. В целом по выборке, россиян, которые относятся к «уклонистам» с пониманием, больше, чем тех, кто их осуждает: 47% и 36% соответственно. Но среди тех, чьи близкие участвуют в войне, доля осуждающих выше (41% против 34% у тех, у кого нет близких, ушедших на фронт). Еще одна категория, которая относится к уклонистам

с пониманием, — те, у кого жизнь существенно изменилась за год не в лучшую сторону (семейных доход сократился, потеряли работу, вынуждены экономить и столкнулись с исчезновением важных лекарств). Солидарны с ними в этом вопросе и те, кому денег не хватает даже на питание. Именно такие уязвимые группы больше переживают на тему мобилизации. На их и без того шатком положении всегда в большей степени сказываются глобальные социальные события.

В конце анкеты мы решились спросить, какие выплаты за погибшего в рамках «спецоперации» военнослужащего респонденты считают справедливыми. Большая доля респондентов (42%) затруднились или отказались отвечать, 41% назвали какую-то сумму, причем 26% из числа ответивших (10% из всей выборки) назвали в качестве приемлемой единоразовой денежной компенсации сумму от 1 до 10 млн рублей — в этот диапазон попадают выплаты, о которых пишут официальные российские СМИ. 17% всей выборки спонтанно заявили, что никакая компенсация не может быть справедливой, потому что человеческая жизнь бесценна.

АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУ ВОЙНОЙ В УКРАИНЕ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ

Мы задали вопрос, касающийся ассоциации между нынешней кампанией и Великой отечественной войной («Как вы думаете, спецоперация скорее похожа на Великую Отечественную войну или скорее отличается от нее?») в формате эксперимента. Первой половине респондентов (группа 1) вопрос задавался сразу после демографических вопросов и до всех чувствительных вопросов про войну. Второй половине респондентов (группа 2) — после всех вопросов про текущую войну. Группы сбалансированы по демографическим характеристикам и источникам информации, также респонденты обеих групп начиная с марта 2022 года столкнулись, по своим собственным оценкам, с одинаковым количеством проблем (увольнение, снижение материального положения, необходимость экономить из-за роста цен, исчезновение лекарств или отсутствие доступа к важным интернет-ресурсам). Нас интересовало, как ассоциация «специальной военной операции» и Великой Отечественной войны влияет на ответ на вопрос о поддержке войны в Украине и наоборот, а также как вопросы про нее определяют отношение к ней как к Великой Отечественной. Таблица 2 представляет результат эксперимента.

В группе 1 23,6% респондентов ответили, что нынешняя война и Великая Отечественная скорее похожи. В группе 2 эта доля составила 15,6%, то есть на 8 п. п. меньше. Таким образом, респонденты, которые успевают обдумать свою позицию относительно военных действий в Украине, значительно менее уверены, что эти две войны похожи. Однако это различие не влияет на отношение к нынешней войне — в обеих группах 58% респондентов ее поддерживают. Тем не менее, положение вопроса про сходство украинской кампании и Великой Отечественной войны влияет на то, приходилось ли респонденту сомневаться в своем отношении к текущей войне: в группе 1 респонденты

сомневались в своем отношении к войне на 3 п. п. чаще. Как было показано ранее, респонденты, не поддерживающие войну, чаще сомневались в своем отношении к ней. Таблица 3 демонстрирует результат эксперимента с разбивкой по респондентам, поддерживающим и не поддерживающим войну. Среди тех, кто поддерживает украинскую кампанию, в группе 1 по сравнению с группой 2 сомнение в отношении к войне выше на 4,8 п. п., а оценка сходства текущей войны и Великой Отечественной — на 10,5 п. п. Среди не поддерживающих войну в группе 1 сомнение в отношении к войне не отличимы от группы 2, а оценка сходства войны в Украине с Великой отечественной на 4.3 п. п. выше.

Далее мы проводим аналогичный анализ для четырех подгрупп с разбивкой по поддержке войны и сомнениям в военных действиях. Таблица 4 показывает результаты. Среди тех, кто поддерживает войну и не испытывал сомнения в своей позиции, наблюдается значительное снижение падения оценки сходства войны в Украине и Великой Отечественной — с 32,4 п. п. до 20,5 п. п. в зависимости от позиции вопроса. Среди тех, кто поддерживает войну и испытывал сомнения, почти нет падения — доля оценки сходства текущей войны и Великой Отечественной остается на уровне 21–22 п. п. Среди тех, кто не поддерживает войну и не сомневался в своей позиции, наблюдается падение с 11 п. п. до 8.2 п.п., а среди тех, кто сомневался, — с 16,9 п. п. до 9,7 п. п. Эти результаты наглядно демонстрируют, что среди поддерживающих и не заявляющих о сомнении в своей позиции столкновение с вопросами о войне значительно снижает оценки того, насколько нынешняя война и Великая Отечественная похожи (позиция, безусловно имеющая источником госпропаганду). То есть на самом деле эти люди вполне способны к изменению позиции, если будут рассуждать независимо от пропаганды. Среди тех, кто поддерживает войну и уже ранее сомневался в своем мнении, позиция вопроса не меняет его, эти респонденты уже все решили. Среди тех, кто не высказал поддержки войны и не сомневался в своей позиции, наблюдается снижение (впрочем, несущественное), то есть их взгляды вполне устоялись. Однако среди тех, кто не заявил о поддержке войны, также наблюдается значительное снижение оценок сходства украинской кампании и Великой Отечественной. Это говорит о том, что эта часть респондентов все еще в процессе осознания происходящего.

ЯДРО ПОДДЕРЖКИ И ПРОТИВНИКОВ ВОЙНЫ

В девятой волне, как и в шестой восьмой, мы можем построить ядро поддержки войны. В данной волне мы строим широкое и узкое ядро поддержки. Широкое ядро поддержки мы определяем следующим образом.

Критерий 1: респондент поддерживает войну и одновременно не готов к перемирию без достижения целей, даже если Владимир Путин примет такое решение.

Доля респондентов, соответствующих критерию 1, составляет 38%. Однако, едва ли всех их можно включить в реальное ядро поддержки,

поскольку сценарий перемирия без достижения целей может казаться для многих нереалистичным, а издержки по достижению победы вполне туманными. Далее мы «уточняем» это ядро по трем направлениям.

Критерий 2: предпочтение в пользу приоритетного расходования средств госбюджета на армию (а не на социальные нужды) в случае дефицита госбюджета (который по факту уже есть).

Критерий 3: моральное осуждение тех, кто уклоняется от участия в войне

Критерий 4: поддержка уголовного преследования противников войны, выражающих это публично.

Доля респондентов соответствующих

- критерию 1 и критерию 2 — 22,1% от общего числа респондентов,
- критерию 1 и критерию 3 — 22% от общего числа респондентов,
- критерию 1 и критерию 4 — 23,4% от общего числа респондентов.

Таким образом, реальным ядром поддержки можно считать не более 22–23%.

- Также мы рассчитываем ядро противников СВО. Если взять в качестве критерия, что противник СВО:
- не выразил поддержку войне,
- считает, что в условиях дефицита бюджета государственные средства нужно расходовать в первую очередь на социальную сферу,

а кроме того поддержал бы решение Путина вывести войска с территории Украины и начать мирные переговоры без достижения целей войны,

то ядро группы противников войны составляет 20%.

СОВМЕСТНЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ПОДДЕРЖКИ ВОЙНЫ И ГОТОВНОСТИ К ПЕРЕМИРИЮ

В данном разделе мы проводим регрессионный анализ, чтобы проверить устойчивость результатов, описанных ранее в виде кросс-таблиц. Более того, в описаниях результатов мы отталкиваемся от демографических и мировоззренческих характеристик респондентов и смотрим, как эти характеристики связаны с политическими предпочтениями, отношением к войне и другим процессам, происходящими в России.

- 1) Уверенность респондентов, что они могут влиять на свою жизнь, повышает поддержку военных действий в Украине, снижает вероятность сомнений в отношении военной кампании, повышает их оценки предположения, что сменяемость власти вредна, повышает оценку достижимости целей войны, повышает вероятность предпочтения расходов бюджета на армию и повышает вероятность одобрения уголовного преследования для противников войны.
- 2) Положение вопроса про ассоциацию между нынешней украинской кампанией и Великой Отечественной войной в начале анкеты повышает положительную оценку их сходства, а также повышает вероятность сомнений в своем отношении к войне.
- 3) Женщины реже поддерживают войну, чаще считают, что выборы в 2024 году не нужны, а сменяемость власти скорее несет вред. Также женщины считают, что цели войны достигнуты в большей степени, чаще выступают за перемирие, скорее с пониманием относятся к уклоняющимся от участия в войне, менее склонны одобрять участие заключенных в боевых действиях и чаще испытывают чувство тревоги.
- 4) Молодые респонденты (18–34 лет) реже поддерживают войну, более склонны одобрять выборы, считают цели войны достигнутыми в большей степени, выступают за перемирие, за использование дефицитного бюджета для социальных нужд. Молодые менее склонны осуждать уклоняющихся от мобилизации, они реже одобряют уголовное преследование для противников войны и участие заключенных в боевых действиях. Они также реже испытывают чувство тревоги.
- 5) Люди с высшим образованием чаще считают необходимыми выборы 2024 года, считают цели войны достигнутыми в меньшей степени и реже одобряют уголовное преследование для противников военной кампании.
- 6) Респонденты с низким материальным положением считают цели войны достигнутыми в меньшей степени и чаще одобряют участие заключенных в войне.
- 7) Работники госсектора чаще одобряют участие заключенных в войне, чем неработающие или работники частного сектора. Работники как частного, так и государственного секторов считают цели украинской кампании достигнутыми в меньшей степени, чем неработающие.
- 8) Те респонденты, у кого родственники участвовали в войне, чаще одобряют участие заключенных в кампании и чаще осуждают тех, кто уклоняется от участия в войне.
- 9) Проблемы, с которыми столкнулся респондент (увольнение, снижение материального положения, необходимость экономить из-за роста цен, исчезновение лекарств или доступа к интернет-ресурсам)

сам), снижают поддержку войны, повышают сомнения в отношении к кампании, повышают одобрение необходимости выборов в 2024 году и сменяемости власти. Эти респонденты также считают цели войны достигнутыми в меньшей степени, чаще выступают за перемирие, расходование бюджета на социальные нужды, реже одобряют уголовное преследование для противников войны и реже осуждают уклоняющихся от мобилизации. Они также чаще испытывают приступы тревоги.

- 10) Те респонденты, которые получают информацию о войне из телевизора, чаще поддерживают боевые действия на территории Украины, считают нынешнюю войну и Великую Отечественную более схожими, реже сомневались в отношении к украинской кампании, чаще выступают за отмену выборов 2024 года и за несменяемость власти. Эти респонденты считают цели войны достигнутыми в большей степени, реже выступают за перемирие, за расходование бюджета на соцнужды, чаще одобряют уголовное преследование для противников войны, чаще осуждают уклоняющихся от мобилизации и чаще одобряют участие заключенных в боевых действиях.
- 11) Использование интернет-ресурсов для получения информации о текущей войне повышает вероятность сомнения в отношении к кампании, а также снижает оценки достижимости целей войны.
- 12) Пользователи VPN реже поддерживают войну, считают цели полномасштабного вторжения в Украину достигнутыми в меньшей степени, чаще выступают за перемирие, реже одобряют уголовное преследование для противников войны и участие заключенных в боевых действиях.
- 13) Получение информации о войне от родственников снижает одобрение необходимости выборов в 2024 году и повышает тревожность.
- 14) Жители сел / ПГТ скорее выступают за уголовное преследование противников войны.
- 15) Жители приграничных регионов с Украиной скорее выступают за отмену выборов 2024 года.
- 16) Жители регионов с более высокой безработицей реже одобряют уголовное преследование для противников войны и участие заключенных в войне, а также реже осуждают уклоняющихся от участия в украинской кампании.

ЭФФЕКТ СУБЪЕКТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ВОЙНЫ: ТЕЛЕВИЗОР И ХОЛОДИЛЬНИК

Далее мы анализируем дополнительные эффекты экономических про-

блем, расширяя базовую модель.

- 17) Негативное влияние экономических проблем на поддержку войны больше у тех респондентов, кто получает информацию о текущей кампании из ТВ. Среди тех, кто получает информацию из ТВ, войну поддерживают 67% респондентов. Каждая новая экономическая проблема снижает поддержку войны у этой группы респондентов на 11 п. п. Среди тех, кто не получает информацию о войне из ТВ, ее поддерживают 34%, и каждая новая экономическая проблема снижает поддержку войны у этой группы респондентов на 8,3 п. п. (Всего учтено три экономических проблемы: увольнение, снижение материального положения, экономия из-за роста цен.) Таким образом, для тех респондентов, кто получает информацию о войне из ТВ, но встретился как минимум с тремя экономическими проблемами, уровень ее поддержки составляет $67 - 3 \times 11 = 34\%$, что соответствует уровню поддержки войны у респондентов, не получающих информацию о ней из ТВ.

То есть наблюдаемое противоречие между плохой экономической реальностью и пропагандистскими обещаниями по ТВ снижает поддержку в большей степени, чем просто наблюдение плохой экономической реальности без просмотра ТВ. Конечно, уровни поддержки войны у тех, кто смотрит, и у тех, кто не смотрит ТВ, разнятся, и это снижение происходит от заведомо более высокого уровня поддержки.

Аналогичные эффекты наблюдаются для отказа от поддержки перемирия и для неприязни к сменяемости власти. Более того, среди тех, кто не смотрит ТВ, влияние экономических проблем на неподдержку перемирия не наблюдается, поскольку респонденты, не смотрящие ТВ, исходно в большинстве перемирие поддерживают. Стоит отметить, что в восьмой волне нашего исследования среди тех, кто черпал информацию о войне из ТВ, войну поддерживали 68% респондентов; среди тех, кто черпал информацию о войне не из ТВ, — 39%. Это сопоставимо с тем, что мы наблюдаем в девятой волне. Однако в восьмой волне для обеих групп (использующих и не использующих ТВ для получения информации о войне) каждая дополнительная экономическая проблема снижала поддержку войны на 8,2–8,6 п. п. То есть в восьмой волне такой сильной разницы в эффектах экономических проблем между теми, кто получает информацию из ТВ и не из ТВ, не было. В девятой волне эта разница появилась.

- 18) Негативное влияние экономических проблем на вопросы, связанные с войной, практически не зависит от оценки своей способности влияния на собственную жизнь. Единственное отличие состоит в том, что для тех, кто считает, что может влиять на собственную жизнь, экономические проблемы не влияют на неготовность к перемирию. Однако, для тех, кто не считает, что в полной мере может влиять на собственную жизнь, эконо-

мические проблемы снижают оценки неготовности поддержать перемирие.

- 19) Негативное влияние экономических проблем на поддержку войны не зависит также и от наличия высшего образования. Тем не менее, для респондентов без высшего образования экономические проблемы не создают дополнительных стимулов для того, чтобы поддерживать перемирие, в то время как у респондентов с высшим образованием экономические проблемы значительно понижают неготовность к перемирию. По-видимому, это связано с тем, что респонденты с высшим образованием вполне осознают, что основная причина экономических проблем — это война.

